

Моек. самоназвание, 1982,
БАЛЕТ 17 янв.

КАК СНИМАЛИ «ЧАЙКУ»

КАК БУДТО из невысказанной мысли, из самых недр гигантской хрустальной люстры, а на самом деле с улицы, из контейнера с надписью «ТВ», послышалось долгожданное «ура!». Несмотря на то, что голос был женский и заметно усталый, «ура», многократно усиленное мегафоном и акустикой пустого зрительного зала Большого театра, прозвучало энергично, бодро, как и полагалось прозвучать победному кличу, означавшему, что съемки балета Р. Щедрина «Чайка» закончены. Радость, столь непосредственно выраженную режиссером Е. А. Мачерет, можно понять. Снять «Чайку» для телевидения трудно. Очень трудно. И не только потому, что срѣки оказались чересчур малы и технические и даже чисто административные проблемы — чересчур велики и серьезны, а в первую очередь потому, что сам балет нов, необычен и с трудом поддается фиксации на телеплёнку.

В «Чайке» почти ничего нет от традиционного балета. Нет присущего ему блеска, виртуозных прыжков, сложных поддержек. Пластика — свободная, изменчивая, лишённая четких ограничений классического танца. В спектакле даже «другая» Майя Плисецкая, его задумавшая и сама поставившая. Известно, что проницательный художник Плисецкая всегда готова отказаться от того, что умеет, она всегда в поиске. Так было в «Кармен-сюите», «Анне Карениной», в «Фантазии», так теперь в «Чайке». Все три съёмочных дня Плисецкая демонстрировала феноменальную готовность к самоотдаче, сравнимую разве что с олимпийской. Как она со своим партнером А. Богатыревым шлифовала каждое движение, каждую сцену! Прищелкивая пальцами, словно кастаньетами, отбивала ритм участникам массовки и при этом еще зывала из-за кулис: «Помните о лице. Ну улыбнитесь же. Вас снимают. И темп, темп, темп...».

Она умеет быть суровой, когда дело касается профессиональных обязанностей. На съемках знали — лучше ее «напоминаний» не дожидаться. А потому свет устанавливается загодя, нужный фрагмент фонограммы молниеносно подбирается.

В перерывах между съемками балерина рассказывала мне о том, как возникла идея поставить «Чайку».

— Это было в Вене, на пресс-конференции, устроенной в связи с окончанием гастролей. Сорок корреспондентов атаковали нас вопросами. Как водится, речь зашла о планах. Я не люблю о них говорить, к тому же тогда и особых планов не было. Но тут неожиданно для себя самой сказала: «Хочу поставить «Чайку» Чехова».

Сказала как о мечте, о фантазии. Предчувствовала, что после моих слов начнутся расспросы: «Как, с кем, почему?». Расспросы действительно последовали, но

вначале была пауза — длинная, длинная, почти как у Чехова. Все просто замерли от неожиданности и удивления.

Плисецкая улыбнулась, как будто припоминая ту паузу, а потом спросила: «А ведь правда, красиво звучит — Чехов... «Чайка»?».

Читая пьесу, впервые переводя ее на язык танца, Плисецкая почувствовала, что главное в героине — устремление к гармонии. Боль обид, удары судьбы — все нипочем ее Чайке. Она сильная, потому что ей введена вера в любовь, талант, красоту («Я верую, и мне не так больно...»). В сущности возник балет о том, как вера спасает мир, и как жизнь, благодаря ей, «свершив свой печальный круг», все-таки не угасает.

А еще создатели балета поняли необходимость придать спектаклю дыхание ушедшей эпохи, проследить не только чеховский сюжет, но и чеховскую интонацию. И каждый, кто имел счастье видеть «Чайку» на сцене, эту интонацию услышал. Но слышат ли ее телезрители?

— Мы пытались снимать «Чайку» несколько раз обычным способом из зрительного зала во время премьерных спектаклей, но у нас ничего не вышло, — говорит режиссер Е. А. Мачерет. — Главная трудность заключалась в освещении. Световая партитура спектакля — размытая, рассеянная — слишком темна для телеэкрана. Однако мы понимали и ту опасность для «Чайки», которую таит в себе резкий, прямой свет наших прожекторов. Поэтому старались на нынешних съемках не «засветить» ее неповторимую атмосферу, полтона декораций В. Левенталя, напоминающие полотна Левитана и Борисова-Мусатова. В зале было установлено семь камер, так что удавалось совмещать и крупные, и средние, и общие планы. Я давно снимаю балеты для телевидения и считаю, что практика съемок в театре без зрителей наиболее плодотворна.

С мнением Е. А. Мачерет согласен исполнитель роли Треплева А. Богатырев.

— У меня сравнительно небольшой опыт съемок на телевидении, — говорит он. — И, честно говоря, опыт не самый приятный. Условия телепавильона не всегда располагают к наилучшему исполнению. Сказывается и ограниченность во времени, и невозможность в связи с этим по-настоящему развернуться, и, наконец, каменный пол. Танцевать на привычной сцене несравнимо легче, поэтому нынешние съемки, думаю, окажутся удачнее моих прошлых телеопытов.

В мегафоне послышалось: «Майя Михайловна, вы готовы?». И, словно забыв, откуда доносится голос, Плисецкая крикнула хрустальной люстре: «Я готова». «Майя Михайловна готова», — тихо сказал в свой микрофон стоявший поблизости оператор.

До финального «ура» было еще далеко.

С. НИКОЛАЕВИЧ.